



*А.В. Загуменнов*  
Вологодская духовная семинария

## ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В «ЖИТИИ» ЕПИФИНИЯ СОЛОВЕЦКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ «ПУСТОЗЕРСКОГО СБОРНИКА И.Н. ЗАВОЛОКО»)

Статья посвящена анализу экспрессивного синтаксиса в рукописном «Житии...» Епифания Соловецкого. Обосновывается корреляция между появлением экспрессивных синтаксических конструкций и персональной значимостью для автора описываемых событий.

Экспрессивный синтаксис, языковая личность, церковный раскол, Епифаний Соловецкий.

*Введение.* Экспрессивный синтаксис, понимаемый как «выражение в предложении эмоциональных проявлений и волевых усилий говорящего» [15, с. 24], всегда – в косвенной [17] или явной [19; 20; 3; 9; 10; 8] формах – постулировал наличие языковой личности, т.е. человека, рассматриваемого «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [9, с. 5]. К сожалению, чем дальше вглубь веков уходит текст, тем сложнее выявлять «интенсификацию формы» (в концепции А.П. Сковородникова) предложения и больше оснований в пользу принятия высказывания [4] как размытой (и потому – раскрытой) коммуникативной единицы.

Именно как некое «о-себе-повествование», «дискурс» следует рассматривать привлеченный в качестве материала изучения текст, написанный Епифанием – соловецким монахом, сподвижником и духовным отцом протопопа Аввакума. Из всех четырех «Пустозерских узников» иноку повезло менее всего. Его письменное наследие исчерпывается буквально несколькими редакциями «Жития...», одним посланием и одним заглавием к сочинению Аввакума. Тем не менее, отсутствие разнообразия компенсируется тем, что успел вложить в свои труды человек с отрезанным (по указанию властей) языком и искаленной рукой. Мы намеренно акцентируем внимание читателя на этой биографической подробности, поскольку в дальнейшем физическая травма станет, выражаясь в духе В. Вундта, психическим переживанием, опредмеченным ресурсами языковой системы.

Работы по синтаксису «Жития...» Епифания нами не обнаружены, несмотря на то, что трудов в этой области по «Житию...» Аввакума за два века изучения творчества последнего накоплено немало [7; 13; 21; 11; 12; 18 и т.д.]. С точки зрения состояния системы языка, все, что найдено у огнепального протопопа, по аналогии может быть перенесено и на творчество огнепального инока, однако с позиций языковой личности это приписывание не совсем адекватно. Если «грамматический фонд» (Ю.Н. Караулов) Епифания и Аввакума условно идентичен, то выбор способов передачи пережитого ими опыта может быть различным.

По этой причине, как мы утверждали ранее, наиболее близким к лингвоперсонологической теории

оказывается экспрессивный синтаксис, куда обычно относят: а) сегментированные (именительный темы), б) парцеллированные, в) вопросно-ответные и г) восклицательные конструкции, а также д) лексический повтор с синтаксическим распространением и е) инверсивное словорасположение [15; 17; 2 и др.]. Данный перечень может быть расширен и дополнен, но только в рамках нашего материала. В настоящий момент приходится констатировать, что в отечественной науке отсутствует понятие «исторический экспрессивный синтаксис», несмотря на достаточный корпус трудов по стилю «плетения словес», который сам по себе экспрессивен [16; 6; 1; 14]. Мы находимся в ситуации, когда известны стилистические особенности «до» и «после» XVII столетия, но сами тексты «бунташного века» в аспекте обсуждаемой проблемы – terra incognita.

*Результаты и обсуждение.* В автографе «Жития» обнаруживается несколько примеров именительного темы, но мы приведем только два (рис. 1).

Эти конструкции функционально не идентичны в ткани повествования. Во фрагменте текста до первого из приведенных примеров Епифаний Соловецкий извиняется перед читателем за простоту изложения и просит благословения и молитв для себя. Именительный темы становится водоразделом между вступительной частью и повествованием о том, как к нему пришли с просьбой сделать деревянный крест. Во втором случае в предшествующем фрагменте Епифанию во сне является недавно усопший друг, который и повелел ему прилежно молиться пречистой Богородице [Пустозерский сборник 1975, л. 171 об.]. Именительный темы вводится как продолжение предыдущей части, раскрывающее в последующем повествовании то, как автор «Жития...» выполнил все наказанное ему. Таким образом, минимум дважды данное средство экспрессивного синтаксиса оказывается апелляцией языковой личности к собственному пережитому опыту.

Автограф не дает оснований выделить парцеллированные конструкции так, как их обнаруживают в произведениях, написанных на современном русском языке. Впрочем, содержательно этот стилистический прием считается даже в условиях формального синтаксического нанизывания. Рассмотрим два примера. Первый из них на рис. 2.

Четырехкратное, но парцелированное точкой с запятой употребление «и» предполагает не присоединительную и даже не соединительную, а причинно-следственную связь, характерную для этого союза в текстах на церковнославянском языке. Это инкорпирование коннотаций из архаического синтаксиса в купе с употреблением разговорных грамматических форм глаголов прошедшего времени позволяет усмотреть влияние круга чтения языковой личности на ее собственный стиль. Второй пример парцелированной конструкции на рис. 3.

В данном примере союз «а» оказывается средством противительного сочинения с коннотацией несоответствия теме двух рем предложения (рис. 4), каждая из которых представляет собой самостоятельную грамматическую основу.

Потенциально пропозиция части «а сердце радуется» на уровне лексической семантики предполагает вариативность: «а сердце радуется» → \*«а сердце не грустит», но подобная замена внесла бы иное ритмическое построение высказывания, причем не переда-

ющее одухотворенность описываемого момента. Сама же парцелляция дана не столько формальными средствами, сколько содержательно, коннотациями используемых союзов.

В качестве вопросно-ответной конструкции приведем пример, в котором очевидна риторическая подготовка пишущего (рис. 5).

Композиционно эти предложения с анафорой обусловлены мыслями Епифания об уничтожении жилища в результате пожара. Ответ на этот каскад вопросов дан не в форме утверждения (например, «в другом месте», «на новой земле»), а в качестве описания сохранности кельи изнутри, куда не попал огонь по заступничеству Богородицы. Это столкновение двух взаимоисключающих друг друга пропозиций (келья сгорела/келья сохранилась) приводит к транспозиции роли отвечающего – им становится читатель, поскольку в самом автографе Епифаний как действующее лицо только благодарит Деву Марию за совершенное ею чудо.

Аналогично с вышеописанной ситуацией связано употребление восклицательных конструкций (рис. 6).

1) Чудо о крѣтѣ хрѣта бѣга і сїса нашего; [Пустозерский сборник, 1975, л. 166 об.]

2) Чудо пречнѣтѣа бѣцы; (Там же, л. 171 об.)

Рис. 1. Именительный темы

«и много крови вышло і в те нѣце стало мокро, и стражи сѣна на кровѣ палили;

(здесь знак «;» в роли точки. – З. А.) і и пѣт днѣи точилъ кровь ѿ тѣла моего...»

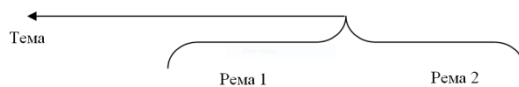
[Пустозерский сборник, 1975, л. 175 об.]

Рис. 2. Парцелляция при синтаксическом нанизывании с союзом «и»

«ано персто<sup>б</sup> нѣту, а рука не боли<sup>т</sup>, а сердце раду<sup>е</sup>тсѣ.»

[Пустозерский сборник, 1975, л. 176 об.]

Рис. 3. Парцелляция при синтаксическом нанизывании с союзом «а»



[ано персто<sup>б</sup> нѣту], [а рука не боли<sup>т</sup>], [а сердце раду<sup>е</sup>тсѣ.]

Рис. 4. Тема-рематическая структура предложения

«Гдѣ быти кѣмоу<sup>б</sup> по преданіи сѣи<sup>б</sup> оцѣ; гдѣ рукоу<sup>б</sup> быти, і ѿ того питатисѣ по хѣу словеси і сѣи<sup>б</sup> оцѣ; гдѣ старца кѣлейнаго преданное правило наполнати»

[Пустозерский сборник, 1975, л. 121 об.]

Рис. 5. Пример вопросной конструкции

«О чѣдо прелѣбное; (здесь и далее знак «;» в роли восклицательного знака. – З. А.)

О мѣть великаѣ і скорѣа хѣа і прѣтѣа бѣцы;»

[Пустозерский сборник, 1975, л. 128]

Рис. 6. Пример восклицательной конструкции



«а ѡста́тъ говора̀ доидѹ до сего̀ мѣста; прѣзрѣ́тъ га̀ предомно́ю вѣнѹ, ꙗ́ко о́дѣнѹю менѣ́ ѣсть  
да́ сѧ непѡвѣ́жѹ. сего̀ ра́ди во́бесели́сѧ срѣ́це моѣ, ꙗ́ко во́радова́сѧ ꙗзы́къ моѣ; ꙗ́зже то́гда ѡмиле́нно  
во́бѣдѹ́ о́чи мои́ ко́ г҃ѹ, зра̀ на крѣ́тъ ꙗ́ко о́бра́тъ е́го, ꙗ́ко реку́; г҃и свѣ́тъ мой кѹды ꙗзы́къ, мои́ ты  
дѣла́, ни́къ срѣ́це моѣ не весели́сѧ, но́ пла́чеѣтъ ; ꙗ́ко нѣ́тъ е́го во ѡ́ста́ мои́»

[Пустозерский сборник, 1975, л. 179 об.]

Рис. 9. Продолжение квазидialoga

Псалтырь	Мольбы Епифания
ꙗ́ко ѡста́ моѧ́ во́бѣтъ́тъ хвалѹ́ твоѧ	ꙗ́ко ѡста́ моѧ́ о́твѣ́зѧ́тъ
срѣ́це моѣ, ꙗ́ко во́радова́сѧ ꙗзы́къ моѣ	во́бѣдѹ́ о́чи мои́ ко́ г҃ѹ ...
	г҃и свѣ́тъ мой кѹды ꙗзы́къ, мои́ ты
	дѣла́, ни́къ срѣ́це моѣ ...
	во ѡ́ста́ мои́

Рис. 10. Постпозитивное притяжательное местоимение в Псалтыри и мольбах Епифания

В мольбе Епифания подчеркивается его утрата, что ему нужен его язык, и его сердце не веселится, и его уста молчат, но это все сказано чуть ли не посредством игры с цитатами из ветхозаветной книги.

*Выводы.* Анализ синтаксического уровня текста «Жития» Епифания Соловецкого, им самим написанного, выявил употребление сегментированных (именительный темы), парцелированных, вопросно-ответных и восклицательных конструкций, которые, по мнению ряда крупных отечественных специалистов, обладают экспрессивностью. Этим же характеризуются лексический повтор с синтаксическим распространением и инверсивное словорасположение, а они, в свою очередь, также обнаруживаются в сочинении пустозерского узника.

Обозначенный выше репертуар экспрессивных конструкций задействован в тех фрагментах «Жития...», которые напрямую связаны с эмоциональным (горечь от мнимой утраты жилища, страх огня и т.д.) и рациональным (чтение Псалтыри и мольба о возвращении утраченного языка) аспектами личности. Даже в случае описания чуда в тексте автографа оно дано как адресованное именно ему. По этой причине «Житие...» позволяет выйти на реконструкцию языковой личности сразу двумя путями. Первый из них – посредством анализа того, что главное действующее лицо считает своим, *личным*, второй – через описание того инструментария, который составляет и грамматический фонд знаний автора, и его опыт вычитки религиозно-богословской литературы.

Анализ синтаксического уровня «Жития...» позволяет утверждать, что перед нами языковая личность, которая осмысляла «что» и «как» при описании чего-либо в своем сочинении. От анафорических вопросных конструкций и постпозитивных место-

имений («ис тела моего», «уста моя» и т.д.) до смешения своего и чужого текстов, объединенных ключевой лексикой – вот далеко не полный перечень проявления творца в собственном автографе последней трети XVII века. Вероятно, языковая личность Епифания может быть обнаружена и при анализе другого типа конструкций, например осложненных предложений, оборотов с пояснительной связью, однако это остается в перспективе наших исследований.

#### Источники

1. Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / издание подготовили Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; [вступительная статья И. Н. Заволоко] ; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1975. – 263 с. ; 193 л.

#### Литература

1. Абрамова, И. Ю. Простое осложненное предложение в повествовательной технике «плетения словес» (на материале «Жития Стефана Пермского» и «Жития Сергия Радонежского») / И. Ю. Абрамова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 1. – С. 187–191.
2. Акимов, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка : учебное пособие / Г. Н. Акимов. – Москва : Высшая школа, 1990. – 168 с.
3. Астахова, Е. С. Экспрессивный синтаксис: функции в современном газетном тексте / Е. С. Астахова // Новые горизонты русистики. – 2018. – № 3. – С. 4–10.
4. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов / под редакцией С. Г. Бочарова, Л. А. Гогтишвили. – Москва : Русские словари, 1997. – С. 159–206.

5. Богин, Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет / Г. И. Богин. – Тверь : Тверской государственный университет, 2009. – Т. 1 – 156 с.
6. Валентинова, О. И. «Плетение словес»: эстетика созерцания / О. И. Валентинова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2014. – № 3. – С. 7–17.
7. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы : избранные труды / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1980. – 360 с.
8. Власенко, Н. И. Способы выражения экспрессивных высказываний в эпистолярном жанре / Н. И. Власенко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 160–169.
9. Голайденко, Л. Н. Лексика со значением представления в аспекте экспрессивного синтаксиса (на материале художественной прозы) / Л. Н. Голайденко // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 1 (78). – С. 106–109.
10. Губарь, И. А. Качественно-количественный анализ конструкций экспрессивного синтаксиса в идиостиле Б. Л. Пастернака / И. А. Губарь // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 10 (133). – С. 116–122.
11. Иванова, В. М. Бессоюзные сложные предложения с пояснением во второй части : (На материале сочинений проропа Аввакума) / В. М. Иванова // Проблемы общего и русского языкознания. – Москва, 1972. – С. 229–242.
12. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис [Текст] : [в 2 книгах] / [В. И. Борковский, В. Л. Георгиева, Л. А. Глинкина и др.] ; под редакцией В. И. Борковского ; АН СССР. Институт русского языка. – Москва : Наука, 1978. – [Книга 1]: Простое предложение [Текст]. – 1978. – 447 с.
13. Коротаева, Э. И. Обращение в языке произведений Аввакума / Э. И. Коротаева // Исследования по славянской филологии : Сборник, посвященный памяти академика В. В. Виноградова. – Москва, 1974. – С. 164–172.
14. Николаев, С. Г. Взаимодействие религиозно-церковного стиля со смежными сферами: онтология и экспрессология : монография / С. Г. Николаев, Ю. С. Карагодская ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2022. – 152 с.
15. Панасюк, А. Т. К вопросу об экспрессивном значении синтаксических конструкций / А. Т. Панасюк // Современный русский язык и методика его преподавания : в 2 частях / Ташкентский государственный университет ; редактор: А. А. Горбачевский, И. Л. Николаев. – Душанбе, 1971–1972. – Ч. 2. – 1972. – С. 20–29.
16. Петрова, В. Д. О некоторых особенностях употребления конструкций для передачи чужой речи в славянской агиографии стиля «плетение словес» (плеонастические сочетания, включающие прямую речь) / В. Д. Петрова // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – № 8. – С. 8–13.
17. Сковородников, А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка : Опыт системного исследования / А. П. Сковородников. – Томск : Издательство Томского университета, 1981. – 255 с.
18. Тарланов, З. К. Textoобразующая роль синтаксических конструкций в Житии Аввакума / З. К. Тарланов // Труды Отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1985. – Т. XXXIX. – С. 410–416.
19. Тошович, Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков / Б. Тошович. – Москва : Языки славянской культуры, 2006. – 560 с.
20. Филиппова, А. В. Структурно-семантический анализ коммуникативных единиц экспрессивного синтаксиса в интернет-блоге Е.В. Гришкова / А. В. Филиппова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6, № 3 (20). – С. 104–106.
21. Черняк, Л. М. Атрибутивные словосочетания в «Житии проропа Аввакума» / Л. М. Черняк // Вестник Харьковского государственного университета. – 1965. – № 12, вып. 2. – С. 82–92.

#### A.V. Zagumennov

### EXPRESSIVE SYNTAX AS A MANIFESTATION OF A LINGUISTIC PERSONALITY IN THE «LIFE» OF EPIPHANY SOLOVETSKY (BASED ON THE MATERIAL OF THE «PUSTOZERSKY COLLECTION BY I.N. ZAVOLOKO»)

The article is devoted to the analysis of expressive syntax in the handwritten «Life» of Epiphany Solovetsky. A. Zagumennov substantiates the correlation between the appearance of expressive syntactic constructions and the personal significance of the described events for the author.

Expressive syntax, linguistic personality, church schism, Epiphany Solovetsky.